

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

11 (229)
сентябрь 2017

ИСТОКИ РАЗЛАДА
стр. 10

«ДОМ НА ВОЛЕ»
стр. 12

СЕНТЯБРЬ 1917:
СВИДЕТЕЛЬСТВА
ОЧЕВИДЦЕВ
стр. 30

ТЕМА

ФЕСТИВАЛЬ
«ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ
ВСТРЕЧИ»

стр. 3, стр. 15

Содержание

СЕНТЯБРЬ 2017

~ проповедь

«Для христиан нет иной власти, кроме власти любви, и нет другого господства, кроме господства Божьей благодати» | 2

~ события

В единстве с Богом и с ближними | 3

«Дом на воле» | 12

~ конференции

Истоки разлада | 10

~ тема номера

Соборность для меня – это... | 15

~ Живое предание

Неосуществившаяся мечта великого миссионера | 20

Братский помянник | 21

~ Встречи

Почему Господь не спас Россию? | 22

«Когда дерево имеет корни, оно может стоять, не сгибаясь перед ветрами эпох» | 24

~ Церковь и общество

Почему церковь критикуют в публичном пространстве | 28

~ 1917–2017

Город, которого нет | 6

О Церкви, о революции | 8

Сентябрь 1917: свидетельства очевидцев | 30

Русская поэзия и Русская Катастрофа | 32

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601
Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne-Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарова)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 7 сентября 2017 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 15 сентября 2017 г.

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

За этот год у многих, несомненно, накопилась душевная тяжесть и усталость от взгляда сквозь минувшее столетие, от нашей неизменной рубрики

«1917–2017». Да, невозможно было бы смотреть только в прошлое и настоящее. Подлинная надежда появляется тогда, когда взгляд сквозь них направлен в вечность. Сегодня

об этом напоминают размышления о соборности и икона «Спас в силах» на этой странице – написанная прп. Андреем Рублёвым в начале XV века, во время, тяжёлое для России. **КФ**

Александра Колымагина

П Р О П О В Е Д Ъ

«Для христиан нет иной власти, кроме власти любви, и нет другого господства, кроме господства Божьей благодати»

Проповедь священника Георгия Кочеткова на фестивале «Преображенские встречи»

Мы с вами слышали замечательное место из Послания к филиппийцам. В нём апостол Павел как бы собирает уже накопившийся опыт христианской жизни, той самой всегда новой соборности, к которой мы пытались приблизиться, которую мы пытались как-то осознать, вместить в своё сердце. И оказывается, что если мы хоть немного приближаемся к этой цели, нам открываются удивительные сокровища: та действительно новая настоящая христианская жизнь, которую так прекрасно описал апостол.

Он хотел, чтобы ученики Христовы всегда стойко держались в едином духе, единодушно боролись за евангельскую веру и ничем не дали запугать себя противникам. Таким он видел спасение. Какая огромная разница с тем, что обычно думают о спасении, о чём обычно в таких случаях говорят или пишут!

Апостол говорит, что от Бога нам даровано служить Христу: не только верить в Него, но также за Него и страдать. И в этой борьбе мы должны быть едины. Что значит страдать за Христа? Да, иногда приходится страдать больше плотью. Но есть ведь не только страдания тела, не только физическая боль. Есть боль душевная и духовная: например, когда мы видим, что народ забыл о пути Господнем и даже в церкви редко возвещается этот путь. Как тут не страдать? Как не испытывать боль, когда мы видим, что в церкви не открывается тайна соборности и личности – не просто уважения к каждому человеку, что, безусловно, должно быть, но глубинного единства в Духе

Святом внутри человека и между людьми? А ведь этим церковь должна жить. Именно так является слава Божья, а иначе она затемняется нашими человеческими грехами.

Апостол хотел, чтобы каждый верующий во Христа находил в Нём утешение, чтобы в каждом была радость любви и общность духа – и даже нежность и сострадательность друг ко другу. Он хотел, чтобы мы все были едины в своих убеждениях, и не только в убеждениях, но ещё и в любви, чтобы все были единодушны и единомысленны. Это так трудно себе представить! В мире сем это вообще невозможно, однако в церкви только так и надо жить. Он хотел, чтобы среди учеников Христовых ничего не было из честолюбия или из тщеславия, чтобы каждый скромно считал себя ничем не выше других, чтобы заботился не столько о своём благе, сколько о благе других. Как много замечательных слов! И они не пустые. Это не просто описание какого-то идеала, недостижимого на земле. Это то, к чему так явно для

нас прикасается человек своим сердцем, когда открывает это сердце Христу, когда в сердце поселяется Дух Святой, поселяется любовь и к Богу, и к ближнему, и ко всякой твари Божьей, ко всему творению.

Прославляя Бога Отца, нам нужно исповедовать одну истину, только одну: чтобы исполнилось всё, что так замечательно описал апостол, нам нужно признать, что нет у нас других господ, кроме Господа Иисуса Христа. Кажется, что может быть проще? Мы так часто слышим и произносим слова «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий», так часто повторяем их в своём сердце. Но глубоко ли они живут в нём? Часто не очень. Мы, скорее, понимаем это по образу внешней, мирской жизни, где господство одних предполагает рабство других, а власть основывается на подавлении, подчинении и насилии.

Но мы должны помнить только одно: для христиан нет иной власти, кроме власти любви, и нет другого господства, кроме господства Божьей благодати.

Аминь.

В единстве с Богом и с ближними

19–20 августа в Москве прошёл третий ежегодный фестиваль «Преображенские встречи», посвящённый теме соборности

*Текст: Анастасия Наконечная
Фото: Александр Волков*

Фестиваль собрал несколько тысяч участников

В центре работы фестиваля стояли и вспоминания, естественные в год 100-летия Поместного собора 1917–1918 гг., и крайне острые вопросы из жизни современной церкви: проблемы общения и общинности, церковной проповеди и ответственности верующих за качественную катехизацию. Конечно, порадовало большое количество гостей, причём не просто интересующихся различными темами церковной жизни, но и тех, кто отвечает в церкви за достаточно серьёзные проекты. Например, на площадке, которую готовило среди прочих наше Свято-Петровское братство, были исполнительный директор благотворительного фонда «Диакония» Елена Рыдалевская, один из основателей мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое дело» Олег Шевцов, представитель фонда «Старость в радость» Ольга Балашова и координатор

помощи бездомным добровольческого движения «Даниловцы» Дмитрий Иванин. И вопрос здесь совсем не в статусах, а в том, что с каждым годом на фестивале собирается всё больше людей, всерьёз размышляющих о том, как решать те или иные насущные задачи, стоящие перед церковью сегодня.

Проходя мимо разных дискуссионных площадок, я удивлялась разнообразию тем. Помню голос екатеринбуржца Дмитрия Каштанова, который рассказывал о том, что он по утрам поёт и именно таким образом будит своих детей. В это же время из соседнего помещения слышался голос профессора Санкт-Петербургской духовной академии протоиерея Георгия Митрофанова: «Представляете ли вы себе хотя бы примерно цифру жертв советских репрессий?» А подходя к площадке «Общение... Оно нам нужно?», я увидела стол с красками, карандашами и

На одной из тематических площадок

воздушными шариками – это организация «Старость в радость» прямо на наших глазах оформляла свой стенд.

Одной из главных тематических площадок, а всего их было 13 во второй день фестиваля, стала площадка, посвящённая Акции национального покаяния. На ней духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков, кинорежиссёр Андрей Смирнов («Белорусский вокзал», «Жила-была одна

баба»), доктор философских наук Григорий Гутнер и другие осмыслили прошедшие десять месяцев акции, направленной на единение тех, кто чувствует потребность в покаянии за Русскую Катастрофу, начавшуюся в нашей стране 100 лет назад.

И всё же главной темой фестиваля стала соборность. Ей были посвящены пленарные дискуссии первого дня, о ней мы спрашивали многих участников фестиваля, и именно о ней говорил отец Георгий Кочетков в своём заключительном слове. Поэтому и здесь, в номере, рассказывая о фестивале, мы хотим дать в первую очередь слово его участникам: центральный материал (на стр. 15) составлен из многочисленных ответов на вопросы о личном и личностном взгляде на соборность. **КФ**

Заключительный день фестиваля традиционно начался литургией в храме Христа Спасителя

Мы говорим о вещах сокровенных, глубоких, требующих подчас мудрости и серьёзных знаний. Но все эти темы и сокровенны, и в то же время открыты – во всяком случае, настолько, чтобы каждый человек, заинтересованный в победе дела Любви Христовой на земле, мог участвовать в этом событии

Заключительное слово священника Георгия Кочеткова

Как это всегда бывает, событие, которое долго ждёшь и изо всех сил готовишь, проходит слишком быстро. Хотелось бы, чтобы оно продолжалось, чтобы была возможность ещё что-то сказать, о чём-то подумать, кого-то услышать...

Слава Богу, уже три года подряд мы проводим фестиваль «Преображенские встречи», который – мне кажется, это принципиально важно – открыт для всех. Мы говорим о вещах сокровенных, глубоких, требующих подчас мудрости и серьёзных знаний. Но все эти темы и сокровенны, и в то же время открыты – во всяком случае, настолько, чтобы каждый человек, заинтересованный в победе дела Любви Христовой на земле, мог участвовать в этом событии. И Господь даёт нам эту благодать.

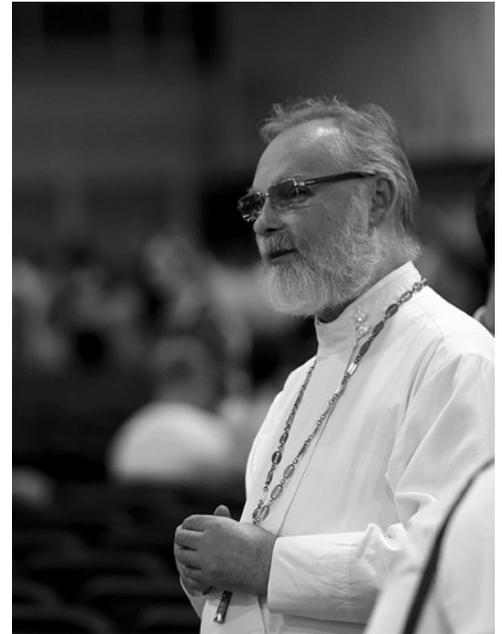
Оказывается, можно собирать не только десятки, и даже не только сотни, но и тысячи людей, и при этом не терять способности видеть лицо, глаза, лик человека. Да, не всегда есть возможность со всеми пообщаться, поговорить. Но видение лика, который говорит нам о том, что за ним скрывается настоящая человеческая личность, т. е. человек, рождённый свыше, – вдохновляет, потому что приводит к единству и с Богом, и с ближними. Это так важно в наше время, когда у людей так много уныния, когда они иногда не дерзают даже оставить свои суеверия и обрести истинную веру.

За эти два дня мы встретились, познакомились со многими людьми, и это было удивительно. Мы увидели много совершенно новых лиц. Значит, люди слышат, значит, до них доходит весть о том, что можно

прийти и, пребывая в общении во Христе, постигать пути Правды и Истины. Да, мы остаёмся людьми, мы не превращаемся в ангелов, но тем не менее что-то новое является в нас и через нас.

Так дай же Бог, чтобы мы не забыли об этом, чтобы мы вынесли отсюда не только добрые воспоминания и досаду на себя за то, что в другие дни нам не всегда удаётся жить в этом же духе, не простой человеческий оптимизм, а что-то, что выше всех оптимизмов и пессимизмов. Дай Бог, чтобы мы могли приносить плоды, чтобы всё то, что здесь во время этих встреч было найдено во Христе и ради Христа, жило дальше, продолжало развиваться, укрепляться, входило в жизнь церкви, народа и общества. Дай Бог, чтобы Божье благословение, которое так явственно ощущалось – и вчера, и сегодня, – не покидало нас.

Слава Богу, наша встреча вошла в нашу жизнь без каких-то серьёзных огорчений и искушений. Она стала частью нашей жизни, ещё одной маленькой ступенькой на пути ко Христу в Царство Божье, которое приблизилось уже сейчас здесь, на земле, к нам, ко всей Божьей Церкви – приблизилось благодаря дарам Духа Святого, благодаря тому духу соборности, который всё-таки находит для себя место. И пусть всякий человек, который раньше этого не знал или в этом сомневался, утвердится в мысли, что этот опыт можно обрести в разное время и в разных местах, независимо от обстоятельств, какими бы они ни были. Они бывают очень радостными, бывают очень грустными, но они не должны мешать главному.

Мы часто говорим в братстве: сначала – важное, потом – срочное. Соборность и личностность – те самые важные вещи, которые стоят на первом месте, а уже за ними всё то срочное, которого, конечно, у нас очень много.

Я надеюсь, что мы ещё продолжим эти встречи. Если Богу будет угодно, мы встретимся через год на нашем фестивале. Здесь хочется сказать: «на следующий год в Иерусалиме!» Ну, может быть, Иерусалим немножко и открывается здесь больше, чем в других местах на земле. Главное, чтобы не был «оставлен дом наш пуст», главное, чтобы та любовь, которой мы здесь жили, не покидала никого из нас! Будем же благодарить Бога за эти дни и за всё, что мы видели и слышали здесь доброго, хорошего, в чём чувствовали и видели действие Божьей благодати!

Аминь.

Город, которого нет

Открылась выставка, рассказывающая об истории и традициях усадебной жизни дореволюционного Екатеринбурга

По материалам сайта «Интерфакс» и екатеринбургского издания «Областная газета»
Фото: Павел Ворожцов

Первая экскурсия

Олег Глаголев

Чтобы передать атмосферу дореволюционного Екатеринбурга, организаторы пригласили музыкантов, исполнивших композиции, которые когда-то звучали на званых вечерах в богатых усадьбах. На открытии в исполнении скрипичного дуэта звучали «Менуэт» Моцарта, отрывок из оперы Верди «Травиата», «Неаполитанская песенка» Чайковского.

Настоятель храма Большой Златоуст протоиерей Виктор Явич в своём приветственном слове отметил: «Сейчас приходится по крупицам восстанавливать то, что было разрушено за годы богоборческой власти. Настало время собирать камни». Он прочитал своё стихотворение о России в 1917-м:

*Среди сонных полей и дорог городских
Я хотел бы найти и увидеть лишь их,
Что идут по проспекту в семнадцатый год,
Где слезинка во сне у черты упадёт.
За которой потом – хоть кричи не кричи –
Возникает безумие в долгой ночи...*

По словам председателя Свято-Елизаветинского православного братства Олега Глаголева, «чтобы жизнь вернулась на эту землю, нужно покаяние и нужна надежда».

Первые два стенда посвящены старообрядческой заимке. В том числе они рассказывают об известной династии Рязановых. В первой половине XIX века представители этого рода семь раз занимали должность городского головы. На их средства в Екатеринбурге был построен городской театр (ныне – кинотеатр «Колизей»). В одном из рязановских домов останавливался Александр I.

Усадьба купцов Казанцевых на улице Декабристов – одна из немногих в городе, где сохранились практически все постройки. Казанцевы – это известнейшая и богатейшая фамилия Екатеринбурга, они внесли значительный вклад в развитие города. В этом доме часто бывал Д.Н. Мамин-Сибиряк, действовал театр, сад был открыт для свободного посещения. В начале XX века здесь был открыт один из первых городских кинотеатров.

Сначала в рамках проекта на территории Крестовоздвиженского мужского монастыря была открыта экспозиция о традициях милосердия в дореволюционном Екатеринбурге, затем возле Иоанно-Предтеченского кафедрального собора открылась выставка о судьбах выдающихся людей

Открытие выставки стало событием для всего города

Дом А.А. Железнова (ул. Розы Люксембург)

Дом А.А. Железнова представляет собой особую усадьбу, стиль которой не характерен для нашего города. Особняк из красного кирпича богато украшен фигурной кладкой и коваными решётками, когда-то здесь был живописный сад с мраморным фонтаном. Позже здание превратилось в место сбора анархистов, а затем стало интернатом для детей.

Усадьбы купцов Агафуровых признаны уникальными памятниками деревянного зодчества Екатеринбурга. Лишь благодаря общественности они не были снесены.

Выставка об этих и других полностью утерянных строениях Екатеринбурга расположена у храма Большой Златоуст (Максимилиановская церковь) на перекрёстке улиц Малышева и 8 Марта. Место выбрано неслучайно, ведь здание этой церкви тоже было разрушено (её взорвали весной 1930 года, а из полученного при сносе кирпича построили Дом обороны). Большой Златоуст был восстановлен на историческом месте к 2013 году.

Это уже третья экспозиционная площадка общегородского выставочного проекта «Екатеринбург 1917. Город, которого нет». Сначала в рамках проекта на территории Крестовоздвиженского мужского монастыря была открыта экспозиция о традициях милосердия в дореволюционном Екатеринбурге, затем возле Иоанно-Предтеченского кафедрального собора открылась выставка о судьбах выдающихся людей.

Все выставки будут работать до 30 ноября.

Любой горожанин может принять участие в работе этого проекта. На одном из стендов организаторы планируют разместить сохранившиеся фотографии людей, живших в Екатеринбурге в начале прошлого века, а наиболее интересные материалы – издать отдельной книгой.

Проект проходит по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла и подготовлен Екатеринбургской епархией совместно со Свято-Екатерининским и Свято-Елизаветинским малыми православными братствами. **КФ**

О Церкви, о революции

Круглый стол «Церковь о революции», прошедший в рамках ежегодного фестиваля «Преображенские встречи», вызвал многочисленные отклики в СМИ

Текст: Александра Колымагина
Фото: Александр Волков, Алёна Каплина

Прошедший в Москве в конце июля экспертный круглый стол «Церковь о революции» вызвал самые разнообразные отклики в прессе.

Встреча собрала священников, журналистов, социологов: среди тех, кто участвовал в разговоре, – протоиерей Георгий Митрофанов и священник Георгий Кочетков, главный редактор «Журнала Московской Патриархии» Евгений Стрельчик, главный редактор интернет-издания «Татьянин день» Даниил Сидоров и ответственный редактор газеты «НГ-Религии» Андрей Мельников, руководитель Информационно-аналитического управления Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Юрий Данилов и руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН Роман Лункин, руководитель проекта «Энциклопедия современной религиозной жизни России» социолог религии Сергей Филатов и многие другие. Сами организаторы круглого стола (прежде всего **аналитический центр s-t-o-l.com**), рассказывая о нём, выделили прежде всего обращение к личностному аспекту и самих событий 1917 года, и

Если это событие коснулось моего деда или отца, это не далеко, это совсем рядом, это – настоящее. Мы всё ещё живём в этой истории

их сегодняшней оценки. В репортаже **медиапроекта «Стол»** собраны те цитаты, которые обращены именно к этому человеческому измерению:

Дмитрий Рогозин, социолог, директор Центра методологии социальных исследований РАНХиГС, подчеркнул, что события 1917 года – не только прошлое столетней давности, они имеют непосредственное отношение и к нам сегодняшним. «Если это событие коснулось моего деда или отца, это не далеко, это совсем рядом, это – настоящее. Мы всё ещё живём в этой истории», – сказал он...

Рассказом об истории своей семьи поделился протоиерей Георгий Митрофанов, заведующий кафедрой церковной истории СПбДА... Отец Георгий заметил, что задаваясь вопросом о том, чьими потомками мы являемся, важно помнить, что начиная с 1917 года «за короткое время было убито огромное количество хороших русских людей, а много плохих русских людей остались жить и пытались приспособиться к обстоятельствам. И мы с вами в большинстве своём являемся потомками

последних»; ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института священник Георгий Кочетков отметил, что самой страшной потерей в результате революции были люди. «Поэтому тема революции – тема духовная, экзистенциальная, личная. Она касается и прошлого, и настоящего, и будущего. Было бы хорошо, если бы современные люди это знали, восстанавливали истории своих родных».

Прямо противоположный подход продемонстрировала **газета «НГ-религии»**, поставившая в центре своего отклика вопрос о масштабах произошедшей сто лет назад катастрофы. Неслучайно в заголовок была вынесена (возможно, не без задней мысли) кричащая об этих немислимых масштабах фраза «Еврейский холокост был куда более скромным, чем русский холокост». Стоит заметить, что сам автор статьи, Андрей Мельников, с этой мыслью не только не согласен: он оценивает сам термин «русский холокост» как мифологему (что, конечно, более

Круг вопросов, предложенных участникам круглого стола, был достаточно скромным. Однако и представленные для «затравки» исследования медиасреды, и, главное, выступления участников настолько расширили контекст, что некоторые издания невольно переименовали заявленное название и озаглавили свои репортажи не «Церковь о революции», а «Церковь и революция»

Круглого стола: насколько востребована в России церковная оценка событий 1917 года? какие дискуссии в связи со столетием революции ведутся сегодня в православном сообществе? – был достаточно скромным. Однако и представленные в начале разговора исследования медиасреды (первое было посвящено изучению основных подходов церковных СМИ к теме революции в связи со столетием трагических событий, второе – с тем, как воспринимаются сегодня темы, связанные с событиями 1917 года в тематических православных сетевых сообществах), и, главное, выступления участников настолько расширили контекст, что некоторые издания невольно переименовали заявленное название и озаглавили свои репортажи не «Церковь о революции», а «Церковь и революция».

Первый из этих материалов – статья на сайте «**Регионы.ru**» – сопровождался крайне интересной подборкой мнений священнослужителей. Второй, репортаж «**Собеседника**», поставил в центр мотив национального покаяния (звучавший и в других материалах, но нигде не ставший центральным). **КФ**

На вопросы телеканала «Союз» отвечает священник Георгий Кочетков

чем странно, если обратиться даже к заведомо ограниченной официально признанной статистике жертв).

В видеорепортаже телеканала «Союз» и в содержательном репортаже агентства «Благовест-инфо» в центре оказался обзор мнений на тему круглого стола, заявленную в

качестве центральной: есть ли сегодня в Русской православной церкви хоть в какой-то степени консолидированный подход к осмыслению столетия 1917 года. Автор репортажа Юлия Зайцева пишет:

«Комментируя выводы аналитиков, многие выступавшие отмечали, что никакой официальной версии РПЦ относительно революции 1917 г. не существует, а серьезной дискуссии не предвидится. «Между христианами диалога о ключевых вопросах XX века не происходит», «тема забалтывается», «столетие революции отмечается нервозно» – такие высказывания звучали в продемонстрированных видеointервью, в том числе – с представителями православных СМИ, вошедших в выборку аналитиков.

Нужно сказать, что круг вопросов, предложенных участникам кру-

Истоки разлада

О предстоящей конференции, посвящённой соборам 1666–1667 годов, рассказывает преподаватель кафедры церковной истории Свято-Филаретовского института Екатерина Алексеева

Беседовала Анастасия Наконечная

Не могли бы Вы, как один из главных организаторов конференции, рассказать, в чём её нерв, ради чего она собирается?

Сейчас, в год, когда все увлечены воспоминанием событий 1917 года, некоторым образом забылось то, что происходило тремя веками раньше. А ведь Большие Московские соборы 1666 и 1667 года, состоявшиеся 350 лет назад, – событие немаловажное. Соборы закрепили разделение Русской церкви и направили течение народного благочестия по двум руслу. Александр Исаевич Солженицын называет раскол одной из причин разлада русского общества, а значит, и одним из истоков катастрофы 1917 года.

Но при этом малоизвестно, что это был за собор (ведь он был совершенно нестандартным для Русской церкви), кто в нём участвовал. Мы часто слышим и сами говорим: «Последние соборы перед началом синодального периода собирались в XVII веке¹». Но говоря это, мы должны помнить и то, каковы же были эти последние соборы XVII века.

Замысел нашей конференции – прежде всего собрать историков, которые серьёзно занимаются этими вопросами.

А в чём была та необычность собора, о которой Вы упомянули?

Прежде всего в том, что хотя русские архиереи не один век боролись за то, чтобы самостоятельно, то есть без вмешательства константинопольского патриарха, собирать соборы, ставить архиереев и избирать патриарха, именно на соборе 1667 года было довольно большое представительство восточных патриархатов, а также Александрийский и Антиохийский патриархи.

Как получилось, что эти соборы положили начало расколу?

Именно в том, что это были за решения, и хочется разобраться. Образ этих соборов действительно именно такой, но ведь всё-таки богослужбно-литургическая реформа Никона была проведена раньше; и разделение какой-то части русских священников и иерархов произошло раньше 1666 года. Собор просто «маркировал» какие-то события.

Почти за десять лет до собора, в 1658 году, патриарх Никон уехал к себе в Новый Иерусалим. Он считал, что никто, кроме константинопольского патриарха, не может избрать нового московского патриарха. И собор должен был решить, что в этой ситуации делать. В результате на нём одновременно осудили и патриарха

Никона, и протопопа Аввакума вместе со всеми теми, кто не поддержал реформы. Очень знаменательно, что собор стал приговором и для одной, и для другой части зачинателей разделений.

Но в итоге и Русская церковь, и государство всё равно поддержали позицию патриарха Никона.

В литургическом смысле – да. Алексею Михайловичу было отчасти выгодно, чтобы у нас было обрядовое единство с греческой церковью. В каком-то смысле это был «русско-греческий проект», рассчитанный на будущее.

Тема 2017 года в нашей церкви – «Уроки столетия». А в чём уроки 350-летия? Почему нам важно сегодня про это вспоминать в той церкви, в которой мы живём?

Во-первых, как бы ни спорили о численности старообрядцев накануне начала XX века – было ли их 2 миллиона или 20 миллионов (а цифры варьируются именно таким образом), это в любом случае довольно существенная часть общества: всё население Российской империи было порядка 150 миллионов. Конечно, кто-то может сейчас жить и не учитывать какие-то общественные и социальные круги, может жить в определённом круге общества и не понимать, что есть ещё несколько миллионов людей, которые живут другими идеалами, и, возможно, такое непересечение было и в Российской империи, но в целом

¹ С 1689 по 1917 год соборы в Православной греко-российской церкви не собирались и церковью управлял Святейший

правительствующий синод, фактически являвшийся одним из государственных ведомств.

Александр Исаевич Солженицын называет раскол одной из причин разлада русского общества, а значит, и одним из истоков катастрофы 1917 года

Съезд старообрядцев в Нижнем Новгороде

игнорировать старообрядчество как явление и не учитывать их опыт практически невозможно. Неслучайно почти в каждой епархии Православной российской церкви создавались миссионерские братства, целью которых было прежде всего возвращение старообрядцев в лоно церкви.

Вряд ли они сами были согласны с такой формулировкой...

Действительно, это очень тонкий вопрос, да и в целом, начиная такой разговор, нужно всё время взвешивать слова. Мы пригласили для участия в нашей конференции членов Русской православной церкви (в том числе единоверцев²), членов Русской православной старообрядческой церкви и других представителей различных согласий поповцев³, а также и беспоповцев⁴. К началу XX века сложилось некоторое общественное мнение, что века разделения, преследований и вражды с православной церковью настолько отдалили старообрядчество от православия, что едва ли возможно какое-либо единение. Предстоящая конференция ставит своей задачей собрать воедино факты, свидетельствующие об особых параллельных и одновременно пересекающихся путях двух частей Русской православной

церкви. Мы хотим, сидя за общим столом, говорить вместе о церковно-исторических событиях прошедших трёх веков. Но даже в таком разговоре, на мой взгляд, успех возможен лишь в том случае, если мы будем очень уважительно и с точки зрения истории честно употреблять те или иные термины.

Были ли пересмотрены решения этих соборов?

Первая попытка какого-то пересмотра решения соборов 1666–1667 годов была предпринята на Поместном соборе 1917–1918 годов. Был специальный старообрядческий отдел, и он пытался снять клятвы со старых обрядов. Он не смог это сделать до конца – слишком болезненным был вопрос, но всё-таки он был поставлен и были приняты некоторые решения относительно единоверия: собор утвердил право единоверцев на особых старообрядных епископов, имеющих статус викарных. А потом, в 1971 году, был Поместный собор, который фактически снял клятвы и объявил равночестность обрядов. По решению этого собора мы можем причащаться

со старообрядцами. Только вряд ли старообрядцы будут нас причащать. Они совершенно честно, совершенно верно говорят: вы же не учите своих детей креститься двумя перстами – значит, для вас не равночестны обряды...

Конференция будет разовой?

Посмотрим. С одной стороны, многие исследователи с интересом откликаются на приглашение в ней участвовать, с другой – есть и те, кто говорит: что можно обсуждать? – многое уже сказано. Есть и третья сторона: в наш оргкомитет звонят священники из разных епархий, которые хотят разобраться в этом вопросе и хотели бы приехать просто слушателями. И если конференция сможет дать исторический ответ на вопрос о Соборах 1666–1667 годов и их последствиях для русской церковной жизни, я думаю, многие будут заинтересованы в том, чтобы этот разговор продолжить. **КФ**

Уточнена дата конференции: она будет проходить в Свято-Филаретовском институте 10 октября

² Идея единоверия, то есть возможности служения по старому обряду на отдельных приходах Православной греко-российской церкви, возникла в XVIII веке. Позже оно было подробно регламентировано «пунктами о единоверии» митрополита Платона (Левшина), утверждёнными императором Павлом 27 октября 1800 года. К 1917 году на территории Российской империи действовало около 600 единоверческих приходов и несколько монастырей. К концу советского времени незакрытыми оставались только три единоверческих прихода.

Сегодня в России их около 30.

³ Поповство – обобщённое название старообрядческих согласий, имеющих священство.

⁴ По смерти присоединившихся к старообрядчеству священников «старого» рукоположения, то есть поставленных в Русской церкви до реформы патриарха Никона, часть старообрядческих согласий приняла решение существовать без священников (а значит, и без большинства таинств – кроме таинства Крещения).

«Дом на воле»

О проекте настоящего дома для людей, имеющих серьёзные хронические заболевания

Текст: Анастасия Наконечная

Фото: Иоанна-Яна Мотоланец, Анастасия Наконечная

Примерно каждый десятый человек рождается с инвалидностью. И никогда это не было чем-то выдающимся. Это жизнь: кто-то с особенностями, о нём надо заботиться

Фестиваль «Дом на воле» проходил в деревне Раздолье под Петербургом впервые, хотя сама работа с этим домом ведётся третий год. Сейчас в нём живёт семь подопечных петербургской благотворительной организации «Перспективы» и местного православного прихода Царственных страстотерпцев.

По словам руководительницы «Перспектив» Марии Островской, она не знает других подобных проектов, когда нуждающиеся в постоянном уходе бывшие жители психоневрологических интернатов опекаются одновременно светской организацией и православным храмом. Впрочем, не все жители Дома на воле раньше жили в интернате – кто-то жил с родными, которые уже умерли. Такой смешанный состав тоже особенность дома в Раздолье. Вместе с подопечными постоянно находятся 2–3 сотрудника из «Перспектив», а в храме у них регулярное дежурство. Приезжают в храм все желающие жители дома (раньше ездили все, а сейчас один из них больше любит оставаться в это время дома – несмотря на большие трудности в связи с ДЦП, он ведёт дневник на компьютере). С организацией работ в храме жителям Дома на воле помогает матушка Мария Ершова. А настоятель храма отец Борис Ершов каждый день проводит в Доме на воле молитву.

Мы расспросили организаторов и участников праздника о том, что это за Дом и кто в нём живёт.

Рассказывает Мария Островская, директор благотворительной организации «Перспективы»

Подобные дома есть в России, только их очень мало: в Пскове, в Иркутске, в Москве... К счастью, мы не единственные. Здесь живут разные люди, которых вы видели: это люди с лёгкой инвалидностью и совсем-совсем тяжёлой.

– Чтобы могли помогать друг другу?

– Совершенно верно. Один, например, лучше двигается, другой лучше соображает. И вот они кооперируются.

– Я заметила колясочницу Юлю, она приехала с двумя собачками?

– Да, Юля живёт в своей квартире. После 4 месяцев обучения в нашей

тренировочной квартире Юля вышла из интерната и теперь живёт самостоятельно. Но те, кто живёт в Доме на воле, никогда не смогут вести самостоятельную жизнь, им нужно круглосуточное сопровождение. Сейчас у нас живут семь человек: Сергей, Коля, Володя, Саша, Дина, Юля и Люба. Один из них, Саша, не пожелал прийти на фестиваль – он не любит шума, многолюдья.

– У них есть режим дня?

– Мы стараемся не давить на них. Если кто-то хочет встать позже или раньше и позавтракать отдельно, он может это сделать. У нас строго фиксировано только несколько вещей: утренняя и вечерняя молитва, утренний и вечерний круг, обед.

– Круг и молитва – это одно и то же?

– Совсем нет. Молитва – это коротенькое правило, которое здесь читают. А на утреннем круге обсуждается, что мы сегодня делаем, что будем готовить, у кого какие задачи на день. На вечернем круге обсуждают, что за день плохого и хорошего произошло, какие нужно сделать выводы. Это такая «рама», к этому моменту все собираются. В остальном – у каждого своя задача, люди расходятся в разные стороны.

– Чем они могут быть заняты?

– Например, обязанность Володи – стирка. Серёжа вместе с нашим социальным педагогом плотничает. Они сами сделали гардероб, кровать, ящик для лекарств. У них масса мужской работы по дому. Кроме того, все работают при храме: два раза в неделю протирают иконы, пылесосят ковры.

– На колясочках?

– Да, конечно. Выбивают коврики. И вот эти цветники – это всё сделано с нашими ребятами. Они слезают с колясок, им кладут такие пенки маленькие, и на этих пенках они сидят и ковыряются в земле. А Володя, при его спастике, умудряется убирать двор церковный с граблями! Конечно, они не одни работают, вместе с матушкой. Тем, кто на коляске, иконы снимают со стен и кладут на столик – они протирают сидя.

– Мария, ваша организация называется «Перспективы». Как Вы считаете, этот проект требует только продолжения или тут возможны какие-то новые перспективы, развитие?

– Мы своё дело сделали и теперь всё старательно описываем, принимаем на стажировку людей откуда угодно. Сейчас будем публиковать первые результаты. МинТруд заказал нам описание этой модели, дальше его будут рассылать в регионы. Пусть люди делают то же самое у себя на местах. Совсем не нужно, чтобы одна организация держала сто таких мест. Я считаю, что хорошо будет, если маленькие организации, вот такие приходы разберут по пять-семь человек – и не будет никаких интернатов.

– Вы говорили, что жизнь в интернате – всё равно, что в тюремном заключении.

– Да. Это же абсолютно ненормально! Их Пётр Первый придумал. До Петра все так называемые «дурачки» жили себе спокойно в деревнях, люди о них заботились. Поговорка «В семье не без урода» буквальная, потому что примерно каждый десятый человек рождается с инвалидностью. Если в семье десятеро детей, то почти всегда кто-нибудь такой был. И не было это чем-то совершенно выдающимся. Это жизнь: кто-то с особенностями, о нём надо заботиться. Их и почитали, а иной раз дразнили, мальчишки обижали. И Пётр решил всё это организовать.

– По европейской модели?

– Я бы не сказала. В Европе это даже позже началось. Сейчас у них таких домов нет, но ещё 40 лет назад были огромные дома, как у нас. Они приезжают, утешают нас: «Мы 40 лет исправляли нашу ситуацию, вы только пять». Катастрофа заключается в том, что у нас эти огромные учреждения – какие-то бездушные машины, где люди заперты, где заботятся только об их биологических потребностях. У нас в учебниках до сих пор можно встретить, даже я по таким училась, что у умственно отсталых людей есть лишь биологические потребности! А у них есть все потребности, включая самореализацию, я уж не говорю о любви, общении, принадлежности, безопасности и т. д. И это можно дать вот в таких домах или квартирах с небольшим числом жителей.

Когда такому ребёнку исполняется 18 лет, с него снимают льготы. Он сидит в городе, в квартире вместе со своими родителями, которые стареют и постепенно сходят с ума от всей этой безысходности. Сил-то нужно не меньше по уходу и сопровождению, а годы уходят

Рассказывает настоятель храма Царственных страсотерпцев священник Борис Ершов

Этой темой я заинтересовался в связи с тем, что сам должен был оказаться в интернате. В 2004 году в среду первой седмицы Великого поста меня сбила машина. Врачи Военно-медицинской академии, когда увидели, что произошло (в эпикризе было написано: «Рваная ушибленная рана лобных и теменных долей, дном которой являются обломки кости»), сказали, что это травма, несовместимая с жизнью, а в случае чуда – то есть если выживу – я должен был быть в интернате. У меня шрам от уха до уха, здесь теперь стоит пластина, а тогда они вытащили все эти обломки. В коме я пролежал две недели и... на Воскрешение Лазаря пошёл домой сам.

А в Раздолье меня перевели по собственному желанию. Сначала Владимир приехал сюда, родственники недолго за ним ухаживали, и скоро мы здесь остались вместе с ним. Я тогда практически сразу Марии Островской сказал: здесь есть возможность, давайте будем делать что-то хорошее.

Было много сомнений: земля не оформлена, сложностей много. Спонсоры приехали, посмотрели – косогор, ничего не сделать. А через некоторое время «Перспективы» приобрели небольшой кусочек земли через дорогу, на этом участке сейчас строится Дом на воле.

«Дом на воле» – основное Ваше дело?

Не только. В этом году у нас впервые проходит летний лагерь, точнее, отдых для семей со взрослыми инвалидами. Ведь когда такому ребёнку исполняется 18 лет, с них снимают льготы. Он перестаёт быть ребёнком и поэтому сидит в городе, в квартире вместе со своими родителями, которые стареют и постепенно сходят с ума от всей этой безысходности. Сил-то нужно не меньше по уходу и сопровождению, а годы уходят.

По примеру о. Владимира Климзо из Ярославской области, который около 20 лет устраивает такой лагерь, решил сделать и я. У о. Владимира потеплее, у него две смены проходят полноценные, приезжает до двухсот человек.

Это очень востребовано, потому что упущено нашей социальной политикой. Это возможность не только вывезти ребёнка, но и дать ему пообщаться

не только с родителями, ведь у них практически у всех созависимость начинается, которая приводит к страданиям и с одной стороны, и с другой, даже к регрессу в развитии детей.

А здесь мы пытаемся дать ребёнку возможность поработать: перекалывать дрова, чистить картошку – кто что может, но не с мамой вместе, а с волонтером, с человеком, которого он видит второй раз в жизни. И подопечный начинает видеть, что чужие люди не все страшные. И результат своего труда видит: вот эти дрова сложенные, вот начищенная картошка. Их похвалили – они, может быть, так же выступят, как сегодня на фестивале выступали Юля и Володя. Так даже за несколько дней люди кардинально меняются. **КФ**

Соборность для меня – это...

Интервью с участниками фестиваля «Преображенские встречи»

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

Соборность – одна из главных богословских тем уже полтора столетия. А что она значит лично для Вас?

Игумен Серапион (Митько), заместитель председателя Синодального миссионерского отдела: Когда я был молод и «ходил, куда хотел», то, конечно, был очень увлечён разного рода богословскими концепциями. А ныне приходится делать только то, что можешь сделать, и мыслить только о том, что приближает к осознанию подлинной реальности, в которой рождается и покаяние, и вопрошание к Богу.

Конечно, о соборности можно говорить только хорошо, но при этом нужно быть честными по отношению к себе самим. Эта идея А.С. Хомякова – замечательный экклезиологический концепт. Однако мы должны понимать, что сам термин «соборная» как перевод слова «кафолическая» является в каком-то смысле очень творческим: скорее всего, Хомяков вкладывал в понятие соборности не какое-то древнее святоотеческое учение, а некий идеал церковной жизни, которого так не хватало в его время. Очень часто новообразованные богословские концепты возникают именно как ответ на отсутствие чего-то значимого.

Если же понимать под соборностью не просто какую-то идею, а реальный механизм жизни церкви, то и он тоже в значительной степени относится к сфере идеального. Вера в Церковь даёт нам возможность предполагать, что в некоторые периоды истории соборность была реализована. Мы видим и какие-то её живые, пусть частичные, проявления. Например, у старообрядцев сохранена форма организации церковной жизни, которая опирается на самих людей. Я не могу (да и не вправе) оценивать опыт зарубежных приходов: он был разным, но иногда интересным, хотя не всегда идеальным. Думаю, что во время созыва Поместного собора 1917–1918 годов, и, может быть, несколько раньше, Русская церковь могла бы реализовать очень многое из того, что мы называем соборностью – хотя известны примеры, когда именно в тот период попытка преобразовать церковную жизнь на началах соборности приводила к изгнанию архиереев с кафедр епархиальными собраниями. Было и

Игумен Серапион (Митько)
и священник Георгий Кочетков

такое. Некоторые из этих архиереев впоследствии стали новомучениками. Так что, к сожалению, идеальные доктрины (в том числе экклезиологические) в реальной церковной жизни не всегда реализуются идеально.

Что касается современной жизни, то, конечно, нехватка того, что мы называем соборностью, сейчас ощущается очень сильно. И если говорить о том, нуждается ли Церковь в соборном обновлении начал своей жизни, я скажу – да. А если меня спросят, возможно ли это... Я очень не уверен в этом. Почему? Потому что если понимать под соборностью участие в жизни Церкви – и в том числе в церковном управлении, в избрании епископа в епархии, избрании священника в приходе – всех верующих, всех православных христиан, то теоретически это очень интересно, а практически мы сталкиваемся с серьёзной экклезиологической проблемой: где пролегает граница Церкви? У нас на протяжении многих, многих десятилетий множество людей были крещены, но не воцерковлены. Кто-то из них крестился отнюдь не по вере. Кто-то, может быть, даже приобрёл некие церковные

черты, казалось бы, воцерковился, но не преобразился внутренне. А ведь тот, кто не стал новым человеком, очень часто привносит в церковную жизнь свои страсти. И пока мы точно не скажем, кто в церкви, а кто вне церковной ограды, мы не сможем реализовать очень многие соборные механизмы. Да, на Поместном соборе обсуждался вопрос выборности священства и архиереев. Но кто будет избирать этих священников? Строго говоря, необходимо составить «списки избирателей». И что при этом учитывать?

Если же подвести итог всем этим размышлениям, то я считаю, что вопрос возрождения соборности – очень важный вопрос, но не самый первый в нашей жизни. Думаю, очень скоро наши вопросы будут определять то, что мы отчётливо увидим звериный лик богоборчества. Оно никуда не исчезло и становится «модным трендом». И многие люди возгревают ту ненависть к христианству, с которой наша церковь столкнулась столетие назад, после Поместного собора. Боюсь, что нам придётся жить в непростые времена.

Когда для Вас впервые прозвучала тема соборности?

Священник Георгий Кочетков: Ещё в середине 1970-х годов я познакомился с книгой отца Николая Афанасьева «Церковь Духа Святого». Её ещё никто здесь не читал, не знал. Она только что вышла в Париже и, конечно, была недоступна для всех наших соотечественников. Там эти вопросы ставятся. Но и раньше, с начала 1970-х, мы сами собой стали искать местную соборность через общину. Мы ещё толком, может быть, не могли сформулировать, что нам не хватает соборности, но чувствовали, что когда мы собираемся, рождается какое-то новое качество, которого в другом случае нету. И мы чувствовали, что это соответствует евангельскому слову, «собираению со Христом», всему, что говорится о церкви, всему, что говорится о межчеловеческих, межличностных отношениях у апостолов. И это стало основой.

Конечно, этому ещё очень помогла практика оглашения, которое началось с 1970-го года. Оно тоже было мощнейшим стимулом для размышлений и попыток что-то делать в этом направлении.

И что значит соборность лично для Вас?

Для меня соборность – это именно явление Церкви. Это самое главное в её жизни. Как узнать тайну Церкви, не проникнув в тайну соборности, в тайну любви, тайну

общения и служения? Других путей нет. Вот почему так важно говорить о новой соборности, обо всём, что было в центре внимания нашего фестиваля.

Протоиерей Александр Лаврин: Я пришёл в Церковь в начале 1980-х годов и тогда понимал в её жизни очень мало. Для меня тогда важно было обретение личной веры. Я принял Бога, Его существование, и у меня родилась надежда, что с Ним возможна какая-то общая жизнь. А вот об общности Церкви я начал задумываться только в конце 1990-х годов. Стал переживать, что хотя Церкви индивидуалистичность, казалось бы, чужда, однако реальная приходская жизнь, к сожалению, очень индивидуалистична, несмотря на развитие разных форм общей жизни: и гимназии, и воскресные школы, и кружковая работа. Да, всё это очень важно, это не надо отодвигать, но, как мне кажется, надо наполнять новым содержанием.

Протоиерей Александр Лаврин

И что может этому новому, соборному содержанию служить? Вот, например, сегодня на богослужении мы были в одном храме, где священник, читая молитву перед причастием, в некоторых местах говорил «нас» вместо «меня». Это было так важно!

Согласен, в проповеди, мне кажется, не должно звучать «вы», должно звучать «мы». Это очень церковно. Когда мы невольно поступаем по-иному, противопоставляя себя всем остальным, в нас действует некое внутреннее автоматическое разделение, мирской дух, наша светскость.

Ведь в сущности задача священника – молиться вместе с молящимися и каяться вместе с кающимися. Природа у нас одна, и проповедь всегда о том, что я внутри самого себя узнал во взаимоотношениях с Богом и с людьми. Тогда это близко всем. Если я прочитал что-то в книжке и рассказал, это будет некий благочестивый рассказ, но вряд ли кого-то тронет. Вначале так и происходит, конечно, но даже тогда нужно актуализировать это, соотносить со своей реальной жизнью.

В исповеди, например, главное не то, *что* я скажу, а каким будет моё целеполагание, какой подход, то, *как* я скажу. Целью открыть свои грехи будет некое собственное очищение (т. е. привычно быть в центре своего внимания), или я покаюсь в грехе, чтобы взыскать Бога, из-за отсутствия Которого в моей жизни я как раз и выбрал грех вместо Него? Между тем и другим очень большая разница. Кто ставится во главу угла? Бог или я?

Соборность подминает под себя человеческая индивидуальность, замкнутость на свою персону, а она как раз естественна для человека без Бога.

В этом смысле каждый из нас соборность или строит, или разрушает.

Именно так.

Что значит соборность лично для Вас?

Протоиерей Георгий Митрофанов: Я не знаю, что такое соборность. Когда я слышу это слово, у меня возникает то же чувство, которое возникало у профессора Преображенского, когда он слышал слово «контрреволюция»: абсолютно неизвестно, что под ним скрывается.

Мы знаем из Символа веры не *соборность*, а *соборную Церковь*. А это не одно и то же. То, что, как правило, связывают с некой абстрактной «соборностью», для меня вполне разрешается в рамках такой категории, как Церковь.

Собственно, само слово «соборность» стало популярным с подачи отставного штабс-ротмистра Хомякова, который, пережив определённого рода внутренний кризис, не был таким уж органичным и цельным человеком. Видя реальное положение церкви в николаевской России, он грезил о чём-то таком, что не могла бы в церкви попать и уничтожить никакая николаевская бюрократия. На самом деле всё это было в значительной степени окрашено тем же самым немецким романтизмом, против которого во многом и было направлено богословие Хомякова. Так родились категории соборности и софийности, которые стали псевдобогословской головомойкой для поколений мыслящих русских христиан.

Священник Феодор Людоговский
и протоиерей Георгий Митрофанов

А произошло это от недостатка настоящей богословской культуры, от отсутствия многовековой церковной науки, а самое главное, от того, что составляет суть русского человека: мы ленивы и нелюбопытны, но очень доверчивы.

А если перейти от теоретической стороны к практической: выстраиваются ли на Вашем приходе какие-то отношения между прихожанами?

Очень разные. Да и у меня-то к прихожанам разное отношение. С одними очень непросто заставить себя общаться, а при взгляде на других одна мысль, что с ними что-то может случиться, пронзает так же сильно, как будто речь идёт об очень близком родном человеке. И у них наверняка ко мне разное отношение; и кто-то уходит, а кто-то приходит. Но в целом можно сказать одно: священник должен быть со своими прихожанами постольку, поскольку он помогает им идти ко Христу. Ни в коем случае нельзя останавливать их на самом себе. Да, отношения имеют какую-то личную окрашенность, но она не должна быть определяющей. Вот почему мы должны друг друга принимать – кого-то с радостью, кого-то с тоской, но принимать.

И ещё несколько ответов на вопрос «Соборность – одна из главных богословских тем уже полтора столетия. А что она значит лично для Вас?»

Священник Феодор Людоговский: Для меня, если не говорить о мистической стороне, это возможность встречаться, общаться, обмениваться мнениями, вместе думать, вместе решать накопившиеся проблемы. Это радость совместной молитвы, радость встречи и общения.

К сожалению, хотя мы в храмах собираемся на молитву, какого-то подлинного человеческого непосредственного общения в большинстве приходов просто нет. А это очень востребовано.

С этим связана ещё одна проблема: у нас в церкви мирян как бы не существует. А ведь священники не всё могут брать на себя. Мирянин гораздо свободнее, в каком-то смысле ему ничто не указ. То, что здесь, на фестивале, в основном собрались миряне (хотя есть и священники) – это прекрасно, это всё-таки даёт какую-то надежду.

Священник Димитрий: Для меня соборность заключается в том, чтобы не принимать решений в одиночку, не быть каким-то единым центром, вокруг которого всё крутится, стараться делать так, чтобы акценты в жизни тех, с кем я имею дело, не всегда были на моей персоне, чтобы на мне клином свет не сходил. И чтобы мне было, если речь идёт лично обо мне, интересно, легко и свободно общаться со своими коллегами.

Конечно, жаль, что на богослужении мы не видим друг друга: я чаще всего в алтаре, а миряне в храме. Но

нам очень важно вместе молиться, вместе причащаться. А ещё – собираться на внебогослужebные собрания, просто ходить друг к другу в гости, иметь какие-то общие интересы, обмениваться книгами, впечатлениями от книг.

Это больше похоже на сочетание демократии и дружбы, чем на соборность.

Да, для меня это так: я не очень понимаю, что ещё это может значить для меня лично, в моей личной жизни. В масштабах церкви я понимаю, что это такое. И этого у нас нет уже давно. После Поместного собора, который был 100 лет назад, ни одного серьёзного общецерковного форума так и не состоялось. В масштабах прихода, в масштабах благочиния, в масштабах епархии нет никакой соборности. И для меня соборность – это действительно демократия в церкви.

Дьякон Игорь Бескорвайный (Православная церковь в Америке): Один из первых опытов соборности я получил двенадцать лет назад, когда я ещё только входил в Церковь и проходил оглашение в Преображенском братстве. Это стало для меня подлинным свидетельством и явлением Церкви. Я увидел и почувствовал, что мы как христиане можем собраться вместе и едиными устами, единым сердцем прославить Господа. Я помню богослужение на Пасху вместе с другими оглашаемыми: кто-то из них накануне крестился, кто-то готовился в первый раз причащаться. Мы знали друг друга, и наша молитва была действительно общей молитвой, в которой воплощались слова Христа: «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». В тот момент я явно ощутил, что Христос действительно был рядом, как бы незримо стоял посреди нас, и мы могли ощутить Его присутствие. Этот опыт я всегда храню в своём сердце. Я ощутил присутствие Христа – именно в этом собрании, которое обращалось ко Христу как община Его учеников. На мой взгляд, это и есть соборность, соборность как собрание во имя Божье, соборность как Церковь и Тело Христово.

Кирилл Алексин: Для меня соборность – это в первую очередь глубинное измерение Церкви, которое позволяет ей быть самотождественной в разных своих частях, разных своих проявлениях. И когда ты приходишь в чужую общину, где ты знаешь только одного человека, ты чувствуешь себя как дома. Наверное, для

Ведущие тематической площадки «Литургическая жизнь Церкви» декан богословского факультета СФИ З.М. Дашевская и дьякон Игорь Бескорвайный

меня наилучшее, ближайшее проявление соборности – такое.

А вообще мне кажется, что когда мы говорим о соборности более «теоретически», мы очень часто не знаем, о чём говорим. Ведь с одной стороны, есть соборность Поместной церкви, с другой – соборность «в хояковском варианте», с третьей – то, что связано с институтом соборов. Так что, видимо, об этом нужно разговаривать, и разговаривать вдумчиво.

Андрей Грищенко, координатор московского отделения Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое дело»: Для меня соборность наиболее ясно проявляет себя через возникающее в молодёжных объединениях и общинах ощущение большой христианской семьи, где слышны все голоса, где никто не забыт, где каждый может высказаться, и его мнение будет услышано. Мы вместе принимаем решение о том, чем будем заниматься, ищем формы деятельности и совместно это реализуем. Мне кажется, это очень важно для ощущения одновременно и свободы, и в то же время того, что мы, как об этом говорят первые слова молитвы «Отче наш» – дети единого Отца. Я думаю, что

без соборности церковь невозможна, и она очень многое теряет, если соборность умалается. Мы это видим сейчас, когда люди атомизированы, оторваны друг от друга – и насколько же обедняется от этого их жизнь, их ощущение церкви! Конечно, мы должны возрождать разные формы соборности, в том числе для того, чтобы и миряне могли полнее участвовать в церковной жизни.

Пьеранджело Торичелли, член совета Ассоциации христиан-рабочих Италии (АКЛИ) провинции Комо (Католическая церковь): На итальянском языке не существует этого слова. Для меня это значит – народ Божий, священники и миряне, миряне и иерархия, работающие все вместе для того, чтобы Христос, когда вернётся, нашёл Землю лучшей, чем та, какой Он её оставил.

Чтобы осуществить это, нужно прежде всего признание друг друга иерархией и мирянами, ведь между ними, к сожалению, очень мало общения. А ещё нужно признание друг друга представителями различных церквей, потому что они очень мало друг друга знают. И это абсолютно не значит унификации. Нужно, чтобы разница сохранялась, но при этом было бы взаимное уважение и признание.

И на вопрос: «Что расточает людей?
Что их концентрирует на себе, отрывает от общения?»

Священник Феодор Людоговский: Многое: и жёсткая вертикаль власти, и не то что неспособность, но отсутствие рождённой воспитанием привычки думать своим умом, выстраивать горизонтальные связи, и слабая наша вера... Что могло бы здесь помочь? Может быть, мы услышим на этой встрече какие-то ответы.

Иеромонах Павел, Новоспасский монастырь: Мешает какая-то разъединённость, когда человек своё мнение ставит превыше другого, когда человек убеждён только в своей правоте.

Пьеранджело Торичелли: Разные вещи разделяют. Во-первых, история. Во-вторых, закрытость между людьми. Насколько я закрываюсь от другого, насколько я ставлю эти границы, настолько и невозможна соборность. Угрозы сегодняшнего дня – это эгоизм и индивидуализм. Когда я говорю: «я – центр всего, и всё крутится вокруг меня», когда я использую других в качестве инструмента, который может послужить мне. В настоящее время индивидуализм

выражается прежде всего в том, что я не могу прямо в глаза смотреть другому человеку. Имеется в виду, что я использую другого для каких-то своих проектов. Но мы всё-таки не отдельные люди, а народ Божий. У каждого есть свои дары, свои особенности. КФ

Иеромонах Павел (Новоспасский монастырь)
на одной из тематических площадок

Неосуществившаяся мечта великого миссионера

Святитель Иннокентий (Вениаминов) смог просветить Аляску, но не сумел «пробить» через Синод замысел создания миссионерского братства в Камчатской епархии

В статье использованы фрагменты бакалаврской работы выпускника СФПИ Андрея Еремеева

Мы уже не раз вспоминали на наших страницах одного из величайших миссионеров Русской церкви свт. Иннокентия (Вениаминова) (1797–1879). 23 сентября (6 октября) исполняется 40 лет со дня его прославления, и нам хотелось бы вспомнить ту сторону его деятельности, которая не так хорошо известна, как миссия среди алеутов.

В 1840 году, приняв после кончины супруги монашество, свт. Иннокентий стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Одной из главных его забот стало собирание миссионеров. Это было очень непросто. «Найти миссионеров хотя бы и совсем не ученых (и в апостолах Павлов было немного, всего только один), но непременно благочестивых, ревностных и деятельных – очень трудно»¹, – писал еп. Иннокентий члену Комиссии принятия прошений на Высочайшее имя А.С. Норову.

Свои предложения по собиранию миссионеров и их подготовке в епархии он изложил в специальной записке, которая приводится ниже.

Мнение об учреждении Миссионерского братства

Имея в виду обширнейшее поле для сеяния Слова Божия на северо-востоке Азии между чукчами (а быть может, и между обитателями устья реки Амура) и на северо-западе Америки до пределов российских владений и основываясь на

тех опытах сеяния Слова Божия, какие произведены донныне, можно иметь верную надежду, что при содействии благодати Божией слово Евангелия будет распространяться более и более в означенных местах, а для сего первее всего необходимы делатели, а их надобно искать, как я сказал выше, ещё долго в России или в Сибири. Но и это, как показывает опыт, сопряжено с большими и разными затруднениями и неудобствами, так, например, когда требуются люди для миссий, в то самое время нет желающих, а когда оказываются и вызываются желающие, то их нельзя принять за неимением вакансий.

Чтобы согласить всё это, я полагал бы при доме камчатского архиерея под личным его надзором учредить монастырь, или, правильнее сказать, братство, на основании монашеском в числе 8–15 лиц, в которое принимать исключительно тех, кои изъявят желание послужить на поприще апостольства, и именно в местах, принадлежащих Камчатской епархии. Всякому из таковых, духовный ли он или светский (если только по образованию своему будет способен), где бы он в России ни оказался, открыть возможность поступить в сие братство во всякое время, лишь бы только была вакансия. И вот до сего-то братства посылать в миссии тех, кои по усмотрению архиерея окажутся к тому способными более других.

Я назвал это общество братством в том предположении, что в оное могут быть принимаемы и монашествующие, и желающие поступить в монашество, и не желающие, и даже могут причисляться к

сему братству и священнослужители, обязанные семейством, если только они готовы принять на себя обязанность миссионера, ибо в таких местах, где христианство утвердилось или осунется ранее, можно и нужно будет определить миссионеров семейных, если только позволят местные обстоятельства².

Такое братство действительно могло стать благодатной средой для воспитания миссионеров. Находясь рядом с митр. Иннокентием, будущие миссионеры имели бы возможность учиться у него живому миссионерскому деланию. Намерения устроить такое братство митр. Иннокентий не оставлял в течение всего времени своего служения в Камчатской епархии³, однако его планам не суждено было осуществиться, в том числе и потому, что на это не было получено разрешение Св. Синода.

Лишь в 1910 году миссионерское братство в Камчатской епархии всё-таки было создано благодаря усилиям другого миссионера, будущего исповедника веры митр. Нестора (Анисимова), преодолевшего благодаря поддержке императора неизменное недоверие Синода к этому плану. Стоит ли говорить, что по понятным причинам просуществовало это братство совсем недолго... **КФ**

¹ Аврааму Сергеевичу Норову. Письмо от 10 мая 1848 г. // Святитель Иннокентий. Собрание сочинений и писем. Т. 3. С. 270.

² См.: Мнение об учреждении Миссионерского братства. 1849 г. // Там же. С. 286–287.

³ В 1863 г. в письме Н.В. Буссе о статусе архиерейского дома в

Благовещенске митр. Иннокентий писал, что «при нём... положено быть особому братству, ...чтобы из членов оного в случае надобности можно было определять в миссионеры». См.: Военному губернатору Амурской области Н.В. Буссе. Письмо от 22 мая 1863 г. // Там же. Т. 5. С. 176.

Братский помянник

Вспомним известных нам членов православных общин и братств, погибших в сентябре 1937 года

В течение всего года мы вспоминаем минувшее столетие, начавшееся событиями 1917 года. Это столетие, обескровившее и практически уничтожившее наш народ, было отмечено несколькими особо жестокими периодами; по количеству жертв террора первые среди них – гражданская война (в том числе подавление крестьянских восстаний), коллективизация 1929–1931 годов, спровоцированный ею голод 1933–1934 года и начавшийся восемьдесят лет назад «большой террор» 1937–1938 гг.

Если первые три периода – это официально признанные миллионы жертв, то с последним официально связано «всего лишь» запредельное само по себе число: 600 000 расстрелянных. Большинство известных нам

погибших архиереев, священнослужителей и мирян Русской православной церкви были расстреляны именно среди этих сотен тысяч (хотя многие погибли и раньше). Если просто в каждый месяц исполняющегося в этом году восьмидесятилетия «большого террора» выписывать имена расстрелянных, нам не хватило бы даже объёма книги, не то что газеты (те, кто читал в прошлом номере рассказ о новом мемориале в Бутове, наверняка помнят, что на двух 150-метровых досках с трудом уместились имена и фамилии казнённых в 1937–1938 гг. только на этом месте расстрелов). Поэтому в этом номере мы пишем только о тех, кто особо близок нам: об известных нам членах православных братств и близких к ним людях, погибших в сентябре 1937 года.

Из круга, близкого к братству епископа-катехизатора Макария (Опоцкого) (Новгород)

4 сентября 1937 года расстрелян протоиерей Димитрий Поликарпов.

Из Александро-Невского братства (Ленинград)

11 сентября 1937 года расстрелян один из священников братства архимандрит Варлаам (Сацердотский).

20 сентября 1937 года расстрелян один из основателей и руководителей братства архимандрит Лев (Егоров).

Впоследствии были расстреляны почти все священнослужители Александро-Невского братства. Отец Лев и отец Варлаам стали первыми.

Из Исидоровского эстонского братства (Ленинград)

24 сентября 1937 года расстрелян известный просветитель, лектор, руководитель строительства братского храма (с 1917 года его настоятель) протоиерей Карп Эльб.

Из братства Сампсониевского собора (Ленинград)

24 сентября 1937 года расстрелян Иван Дмитриков, кандидат богословия, кандидат в члены Совета Высших Богословских курсов, проводивший беседы религиозно-нравственного содержания для членов братства и в Литейном отделении Александро-Невского общества трезвости, а также управлявший народным хором собора.

Из круга мечёвских общин (Москва)

27 сентября 1937 года расстрелян священник «потайной церкви» Михаил Шик (последние годы перед арестом жил и тайно служил в доме за 101-м километром в Малоярославце). **КФ**

Почему Господь не спас Россию?

Из беседы священника Георгия Кочеткова с членами Свято-Николаевского братства о том, почему члены братств и общин 1920–1930-х годов по-разному относились к митрополиту Сергию и почему молитвы о спасении России остались без ответа

Константиновский период истории шёл более полутора тысяч лет. Полторы тысячи лет для истории – это очень, очень немало. Поэтому инерция была колоссальной. И как раз с этим связан образ митрополита Сергия (Страгородского), который в каком-то смысле был заложником этой ситуации.

Не забудем, что он тоже сидел. Пусть и недолго. А сидеть при советской власти – это не то, что сидеть при царском режиме. И он выбрал путь фактического подчинения государству. У митрополита Сергия не было опыта. В отличие от патриарха Тихона или митрополита Вениамина, или, я думаю, даже митрополита Владимира (Богоявленского), никаких альтернатив он не знал. Он никогда не знал никаких общин, никаких братств. Он вообще сначала, до 1917 года, был отчасти академическим деятелем, а отчасти просто церковным чиновником высокого ранга.

И вот это направление церковной жизни было господствующим. Люди не мыслили себе церкви без государства. Государство всегда было включено в церковное управление. Сейчас говорят: Поместный собор 1917–1918 годов пытался опереться на мирян. А до этого на кого церковь опиралась? На государство. Да, была надежда опереться на мирян, но некоторые испугались этого, и до сих пор боятся – боятся «демократических» тенденций в церкви, в том числе в вопросе выборности духовенства, и многого ещё. Церковь не смогла этого осилить. Кто-то из вас меня

спрашивал: почему, если поставить материалы Собора в три колонки – что обсуждалось, что решили комиссии и что было принято Архиерейским совещанием, – то между ними будет такая большая разница? Я не читал все тома Деяний собора (это вы их читаете целыми томами), но если бы мне сказали обратное, я бы ответил, что этого не может быть. Невозможно, чтобы то, что обсуждалось на Соборе, выходило в последний вариант решений. Потому что в церкви было очень много разных тенденций, и среди них консервативные, иногда очень консервативные, даже просто фундаменталистские. И государственнические тоже (хотя, слава Богу, не было националистических перегибов). В то же время рождалось что-то новое, появилась альтернатива, существовавшая и раньше, известная из истории. К ней по-разному относились, её по-разному толковали (сейчас нет возможности об этом говорить подробно, хотя это очень интересный вопрос). Но тем не менее что-то родилось, и оно не погибло.

Первая тенденция добилась выбора патриарха, а потом привела митрополита Сергия и к его известному положению заместителя местоблюстителя патриаршего престола, и к Декларации 1927 года. Нужно сказать, что первый шаг в этом направлении сделал не митрополит Сергей, а святитель Тихон. Нечто подобное он уже утверждал после своего ареста, когда понял, что его просто убьют, и всё. И его действительно должны были убить, как вы знаете*; может быть, его и убили, Бог знает: сейчас всё чаще и чаще говорят, что 7 апреля 1925 года он всё-таки был убит в больнице. Но его бы убили раньше, значительно раньше, в 1923 году. К тому времени уже почти закончилась, кроме некоторых очагов за Уралом, гражданская война; советская власть по сути победила. И, к сожалению, она почувствовала, что может делать всё, что ей заблагорассудится уже не только при «военном положении», а и в мирном контексте.

И вот в это же время проявилась вторая тенденция, проявилась альтернатива. От неё пошли общины, братства, пошла «потаённая церковь». Слава Богу, что это появилось. Но было бы абсолютно нетрезвенно думать, что победила бы сразу, мгновенно вот эта церковность нового типа, так сказать «постконстантиновская», которая должна была резко поменять само представление о

церкви. Да люди и не готовы были к этому. А тех, кто был готов, уничтожали в первую очередь (даже по сравнению с общей истребительной политикой по отношению к церкви), просто группами, как только могли зацепить, по поводу и без всякого повода. И вот отсюда, собственно говоря, пошла новая история – но не в полную силу, потому что, оказывается, повернуть оглобли в другую сторону, повернуть церковный корабль с такой массой, с двухтысячелетним грузом, было просто невозможно.

Что же Господь дал нам в конце концов? Он показал всем, что есть что и кто есть кто. Во-вторых, та альтернатива, о которой я говорю, была уже обоснована самой жизнью – не только идеями, не только умозрениями, не только вещами относительно простыми или поверхностными. Это уже был вопрос не спорный, а жизненный – вопрос жизни или смерти. Но на это нужно было время. И вот сейчас это время настало. Поэтому нужно бить в колокола сейчас, хотя люди заснули. Ну, понятно, весь XX век, последнее столетие, людей усыпляли и умерщвляли всеми возможными способами. Было бы странно, если бы они не погибли и не заснули. Пока что вокруг нас – поле, полное мёртвых костей. И они ещё не ожили, не обрели плоти, это очевидно. Но всё больше и

больше её обретают, и этот процесс резко ускорился. Я думаю, что Господь действует здесь Сам, это действие Духа Божьего. И то, что мы хоть немножко, но помогли этому (хотя, может быть, так нельзя говорить и это звучит слишком самонадеянно, но я в это верю, я это вижу), меня радует.

Поэтому не то чтобы Господь не услышал молитвы, звучавшие эти последние сто лет. Он слышит нас, но просто крест нужно было пронести через всё это. Мы знаем сегодня (хотя их и немного) большие группы, движения, братства, общины, проложившие в страшном XX веке новый путь жизни церкви. И мы знаем, что миллионы людей умерли просто за веру. За них мы должны благодарить Бога. Я думаю, что опыт новомучеников и исповедников – это сокровище, подаренное Богом не только России, Русской церкви, но всему миру. Мы должны сделать так, чтобы люди его узнали, чтобы им было не просто интересно послушать остросюжетные рассказы. За этим стоит значительно больше. И мы ещё не научились сами так это знать, так об этом рассказывать и так это впитывать в себя, чтобы это стало плотью и кровью, чтобы действительно то, что Господь устроил в Своей Церкви, процветало, развивалось и возрождалось. **КФ**

* На заседании Политбюро 22 марта 1922 года по предложению Ленина был принят план Льва Троцкого по разгрому церкви. В марте начались допросы патриарха Тихона: его вызвали в ГПУ на Лубянку, где дали под расписку прочесть официальное уведомление, что правительство «требует от гражданина Белавина (В советских документах фамилия патриарха чаще всего ошибочно писалась с одной «л». – Ред.) как от ответственного руководителя всей иерархии определённого и публичного определения своего отношения к контрреволюционному заговору, во главе коего стоит подчинённая ему иерархия».

5 мая 1922 года Патриарх был вызван в суд на процесс московского духовенства. Суд вынес частное определение о «привлечении гражданина Белавина к уголовной ответственности». После этого Патриарх находился под арестом в Донском монастыре, в полной изоляции от внешнего мира. Судя по многочисленным публикациям в советской прессе весной 1923 года писем от граждан, требовавших сурово покарать «людоеда Тихона», и по решению Политбюро от 12 апреля («Поручить Секретариату ЦК вести дело Тихона со всею строгостью, соответствующей объёму колоссальной вины, совершённой Тихоном»), готовился смертный приговор.

1 июля в газете «Известия» было опубликовано «Факсимиле заявления гр. Белавина (бывш. патриарха Тихона) в Верховный Суд РСФСР»: «...признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции». 25 июня 1923 года было принято постановление об освобождении патриарха Тихона; ему была предоставлена свобода в организации деятельности «Патриаршей» церкви. Большинство исследователей склонны видеть основную причину отмены готовившегося судебного процесса в уступке советского правительства в ответ на «ноту Керзона», вручённую Народному комиссару иностранных дел 8 мая от имени правительства Великобритании. Нота содержала угрозу полного разрыва сношений с СССР и требовала, среди прочего, прекращения репрессий против Церкви и духовенства.

«Когда дерево имеет корни, оно может стоять, не сгибаясь перед ветрами эпох»

Фрагменты встречи предводителя Российского и Московского Дворянского собрания О.В. Щербачёва с членами Введенского малого православного братства

Олег Вячеславович, Вы не только являетесь потомком дворянского рода, но и профессионально занимаетесь генеалогией. Как Вам кажется, что меняется для человека, когда он узнаёт историю своего рода?

Когда начинаешь всерьёз и глубоко изучать свою родословную, ощущаешь, что гораздо устойчивее стоишь на земле. Говорю это исходя из собственного опыта: погрузившись в историю своего рода, я действительно просто физически почувствовал свои корни. Помните конец 1980-х – начало 1990-х? Слом эпох, нищета, полная неопределённость. А я почему-то был очень спокоен. Я понимал: что бы ни случилось, я всё равно останусь потомком своего предка в шестнадцатом поколении, и до меня было много разных эпох, и смутное время, и то, и это... Когда дерево имеет корни, оно выпрямляется и может стоять, не сгибаясь перед ветрами эпох.

Кроме того, ты совсем по-другому начинаешь относиться к истории: она становится очень близкой. Один из моих предков (правда, не по прямой линии) подписывал грамоту об избрании на царство Михаила Фёдоровича Романова, другой (это уже прямой предок) участвовал в Земском соборе 1649 года, подписывал Соборное уложение – то, с чего начинается полное собрание законов Российской Империи. И какую бы мы эпоху ни взяли, я сразу могу вспомнить человека, родственно близкого мне.

Что именно важно знать о своих родных и какие акценты важно делать при исследовании истории своей семьи?

Царь Алексей Михайлович утверждает Соборное уложение. 1648 г. После нескольких месяцев обсуждения Земским собором и внесения многочисленных правок документ был подписан участниками собора в 1649 г.

Хотя генеалогия – это, конечно, семейная история, но она ещё и наука. И я как человек науки, имеющий физико-математическое образование, считаю, что наука должна быть прежде всего честной. Да и вообще, важно быть честным. И поэтому знать надо всё, без прикрас: согрешил человек – значит, тем более надо о нём помнить и молиться. Моя бабушка, которая, в общем-то, многое мне рассказывала, никогда не говорила, что её родной папа, мой прадедуська, был помощником начальника тюрьмы. Я его нашёл в памятной книжке Калужской губернии. Смотрю – губернская тюрьма, начальник такой-то, помощник –

Перельгин Владимир Васильевич. Говорю: «Бабушка, а ты знала?» Она говорит: «Да конечно, знала!» – «А что ж ты мне никогда не говорила?» – «Я боялась тебя травмировать». Он потом участвовал в Первой мировой войне, и об этом она рассказывала.

Правда, какая-то информация может оказаться закрыта от нас: не дано узнать. Но если Бог даёт вам что-то узнать, значит, это вам нужно, и это знание надо как-то осмыслить, а не отмахиваться от него.

Возможно ли покаяние за род и – ещё шире – за народ и в чём оно может осуществиться?

Чем сильнее мы осознаем некое единство, некий «континуитет» (простите за такой латинизм), тем больше оснований для покаяния за кого-то. Церковь и тысячу лет назад, и теперь – одна и та же Церковь Христова, поэтому она имеет полное право каяться даже за то, что произошло тысячу лет тому назад. А уж тем более за то, что случилось за несколько столетий до нас: неправильно лишили сана и сгноили в заточении митрополита Арсения (Мацеевича) при Екатерине II – а сегодня он реабилитирован и канонизирован*.

В XVII веке ощущать это единство рода и единство народа было естественным. Конечно, смутное время продолжалось не так долго, поэтому всем пришлось каяться прежде всего за себя – но мне кажется, и за родителей тоже. И за весь народ. Смута – это то, что случилось «по грехом нашим», за наши общие грехи. Тогда русский народ ощущал себя очень единым. Сейчас всё, конечно, сложнее. Но каждый из нас, в любом случае, может поминать своих родных и молиться о них. И мне кажется, это тоже вид покаяния.

Я принадлежу к тем людям, которые считают, что термин «примирение» для катастрофы 1917 года – неудачный. Вот если бы совершилось покаяние, тогда можно было бы говорить о каком-то примирении. Говорить же о примирении в отрыве от покаяния не только бессмысленно, но и духовно

Генеалогия – это, конечно, семейная история, но она ещё и наука. И я как человек науки, имеющий физико-математическое образование, считаю, что наука должна быть прежде всего честной. Да и вообще, важно быть честным. И поэтому знать надо всё, без прикрас: согрешил человек – значит, тем более надо о нём помнить и молиться

опасно. Мы что, будем примиряться на неизжитом грехе, на лжи? Примиряться, когда по всей стране стоят миллионы идиолов Ленина и в то же время невозможно повесить даже одну доску, посвящённую адмиралу Колчаку?

Нужно сказать, что дворянство как раз признаёт, что оно было не во всём право. Особенно в феврале 1917 года. Мы были неправы в том, что не встали все как один на защиту России. Кадеты, юнкера практически одни защищали Кремль в то время, как в Москве оставались десятки тысяч офицеров... Я это ощущаю, безусловно, как грех – грех и предков моих. Да, брат моего прадеда, офицер, пошёл в Белую армию, выполнил свой долг. А мой родной прадед, штатский человек, не счёл нужным это сделать. Правда, и у него была своя голгофа в 1941 году... Так что, наверное, возможно каяться за своих предков. Но это очень простой вопрос, а подвигать к этому другого человека вообще невозможно. Необходим какой-то духовный

диалог, молитвенный диалог между нами и теми, кто был до нас; только после этого можно за них покаяться. «Механистически» сделать это невозможно.

К 1917 году какая-то неправда накопывалась, накапливалась – и потом всё это рвануло. И поскольку дворянство всё-таки было связано с управлением страной, с какой-то ответственностью, то хотелось бы знать, признаёт ли оно эту ответственность за то, что было раньше?

Что касается грехов, которые накапливались и потом привели к тому, что «всё рвануло», то на эту тему можно было бы провести целую встречу. Действительно, дворянству часто ставили и ставят в вину то, что России было как бы две: одна – для высшего сословия, другая – для всех остальных. Безусловно, реформы Александра II эту грань начали размывать. Да и раньше, начиная с Петра I, возможности «социальных лифтов», как теперь говорят, уже были; и они были не чисто теоретиче-

* 28 июня 1918 года Всероссийским Поместным собором митрополит Ростовский Арсений (Мацеевич), как лишённый святительского сана по политическим мотивам, был восстановлен в архиерейском достоинстве. Юбилейный

Архиерейский собор Русской православной церкви в августе 2000 года определил причислить его к лику святых для общецерковного почитания в чине священномученика.

Вожди Белого движения: генерал Марков (потомственный дворянин), генерал Деникин, генерал Алексеев (оба – сыновья офицеров, выслужившихся из крестьян). На фотографии нет генерала Корнилова, сына казака: он погиб весной 1918 года

скими, а абсолютно практическими. К началу XX века эти возможности распространились практически на всё общество. Если вы посмотрите на генералитет времён Первой мировой войны, то увидите, что это дворянство в первом-втором поколении. Алексеев, Корнилов, Деникин – вожди Белого движения – кто они? Это выходцы из крестьян. Да, был барон Врангель. А вот Юденич – потомок мещан.

Прапорщики, подпоручики 1917 года, сменившие выбитый в первые годы войны кадровый офицерский состав, – это вообще в большинстве своём вчерашние крестьяне. Уже не их отцы и деды, а они сами – крестьяне, с их менталитетом, с их заботами, что сейчас начнётся передел земли и надо срочно бежать с фронта, чтобы не опоздать к этому переделу... Говоря об этом, я ни в коей мере, не поймите меня превратно, не отрицаю вину высшего сословия в том, что, конечно, был некий отрыв от народа.

Другое дело, что и аристократия

Если вы посмотрите на генералитет времён Первой мировой войны, то увидите, что это дворянство в первом-втором поколении. Алексеев, Корнилов, Деникин – вожди Белого движения – кто они? Это выходцы из крестьян

была очень разной, и нельзя говорить, например, что вся аристократия отошла от Бога – ничего подобного! Богоискание было и у высшей аристократии, и у обыкновенного дворянства, и у разночинной интеллигенции. К слову, говоря об ответственности за страну, стоит говорить именно об образованном слое; а это не только дворянство, это и духовенство, и разночинство. Но и здесь всё очень индивидуально! Кто-то из детей священников шёл в народо-вольцы и порывал со своей средой. А в то же время какие-то представители высшей аристократии, такие, как великая княгиня Елизавета Фёдоровна, становились исповедниками и мучениками. Конечно, в целом церковная жизнь была уже не главным для аристократии. А насколько она была во главе угла для крестьянства?

Конечно, когда считаешь авторов начала XX века, видишь, что хаос в головах образованных людей был потрясающий: спиритизм, какие-то непонятные увлечения теософией – чего там только не было, всё это как-то ужасно переплеталось! Конечно же, это – яды, которыми всё пропитывалось. И сказать, что конкретно «сдетонировало», что было последней каплей – очень, очень сложно. Это действительно огромный спектр причин. Но я не вижу в них фатальности. То есть я считаю, что борьба была возможна – и большевиков, безусловно, можно было победить.

Историк Сергей Владимирович Волков, которого я очень уважаю и

считаю одним из лучших специалистов по этой эпохе (по офицерству, по высшему сословию Российской империи, по Белому движению), считает, что Российская империя была, в общем и целом, вполне здоровым государством, ничуть не больше других государств, которые её окружали, динамично развивающимся.

Нужно сказать, что у нас очень много штампов, связанных с нашей историей, которые вдалбливают с детства: «Россия – жандармская страна, полицейская страна»... А ведь когда Александр III, ещё будучи наследником, приехал в город Углич, он едва мог пробраться сквозь толпу народа, которая его встречала, потому что на весь уездный город Углич было всего два полицейских! А если говорить о чиновничестве Российской империи и нынешнем, то процент чиновников в общем населении страны вырос в 10 раз. Говорят «проклятое российское чиновничество». Но на самом деле оно было очень эффективным: малыми силами делалось очень многое. Даже после такого вызова, как Великие реформы 1860-х годов – а это был эксперимент, который делался на ходу, очень быстро, невероятными темпами, – Россия стремительно перестраивалась и входила в новые реалии, хотя чиновнический аппарат к этим изменениям и не был готов. То есть никакой фатальности не было. Понятно, что причины катастрофы были, в том числе и глубинные, но всё могло пойти совершенно по-другому.

Один из главных вызовов, противоядие к которому ещё не успело образоваться за очень маленький временной интервал между 1861 годом и 1917-м, – это то, что Российская империя совершенно не понимала, что делать с тем, что мы сейчас называем «властью СМИ». И многое случилось из-за того, что мы не успели выработать противоядие на откровенную ложь и клевету. Во время Первой мировой войны безнаказанно распространялась ложь, что наша императрица – «предательница, шпионка, работает на Германию». А император Николай II – подкаблучник, слабак. И одновременно «кровавый». Это вдалбливалось и дальше, все 70 лет, и совершенно никого не удивляло, что он и кровавый, и слабак! Просто есть штамп, он многократно повторяется, вдалбливается и становится аксиомой. И против этого выработать какую-то адекватную реакцию мы не успели. Сломались перед этим, казалось бы, ничтожным микробом.

Есть ли у Вас надежда на возрождение нашего народа, нашей страны и если есть, в чём она заключается?

«Сейчас пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше». Любовь невытравима из сердца человеческого – любовь к отечеству нашему, «к отеческим гробам», ко всему, о чём мы говорили. Эта любовь и вселяет надежду.

Любой христианин верит в чудо, не может не верить. И в нашей стране невозможно не верить в чудо, потому что сама её история всё время показывает эти чудеса, и мы сами их проживаем. И когда я начинаю слишком унывать и думать, что

Встреча проходила в рамках Акции национального покаяния.
Фото Бориса Левицкого

бесполезно что-либо делать, то я вспоминаю себя студентом МИФИ, сдающим обязательный в те годы для всех экзамен по истории КПСС или по марксистско-ленинской философии. Я это уже тогда люто ненавидел, чувствовал всю бредовость, всю маразматичность этого, но прекрасно осознавал, что это навсегда или почти навсегда, что я умру в этой стране за железным занавесом, понимая, что это – страна-паразит на теле настоящей моей родины. Мне казалось, что на моём веку этот режим ни за что не рухнет. Это был 1983–1984 год. До конца советского режима оставалось несколько лет.

В любом случае, что бы ни случилось, личность человеческая абсолютно безгранична, божественна

и глубинна, и надо просто жить в той стране и в то время, в которое ты призван. Делай, что должно, а там – будь что будет! Это должно быть нашим ежедневным руководящим правилом: ты не можешь отвечать за всех, но ты должен отвечать за себя и должен себе сказать, что ты сделал всё, что мог здесь и сейчас, а уж что получится, то и получится. Белые не смогли победить красных. Но, по крайней мере, они не могли сказать, что сидели сложа руки. Они делали, что могли, они как-то боролись. Надо бороться на своём месте, чувствовать ответственность за то, что вокруг нас, – и в то же время, конечно, надеяться на чудо Божье, на то, что Он, видя наши робкие усилия, не оставит нас, убогих, до конца! КФ

Почему церковь критикуют в публичном пространстве

О некоторых особенностях политики «сдержек и противовесов» и о многом другом рассказывает российский историк, профессор Института мировых цивилизаций Игорь Чубайс

Беседовала Александра Колымагина

Встреча членов просветительского братства «Сретение» и представителей Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое Дело» с Игорем Чубайсом

Мне очень близко то, что Вы выступаете против мифов советского и постсоветского времени (а на самом деле даже немного более ранних), которые рисуют русскую историю исключительно чёрными красками. Но мне кажется, что есть мифы того же ряда, которые относятся к православной церкви, и они тоже требуют развенчания. Например, когда Вы говорите – имея для этого основания – что Православная российская церковь всегда поддерживала власть, то это выглядит слишком категоричным высказыванием, особенно сегодня, в день, когда церковь вспоминает святителя Филиппа¹. Ведь он погиб именно потому, что осудил преступления стоявшего у власти царя Ивана Грозного.

Я не занимаюсь так основательно историей Русской

церкви, как вы. Относительно Грозного я только напомню, что это единственный царь, которого русские историки осудили. Но если затрагивать тему «не в деталях», а обобщённо и по сути, то нельзя не видеть, что именно церковь стала основой становления Российского государства, стала его стеновым хребтом. Если бы мы не приняли православие в X веке, то жили бы в другой стране, либо страна перестала бы существовать. Это не значит, что все священники всегда и во всём всё поддерживали. Нет, конечно. Были разные ситуации, но в целом Русская церковь постоянно поддерживала государство. Так происходило не везде: скажем, польский костёл регулярно критиковал польскую власть, часто был её оппонентом. В результате польское государство рухнуло, а костёл уцелел. А у нас Русская церковь могла в чём-то не поддерживать позицию конкретного государя, но она всегда была патриотична, она всегда была за Россию.

Но царь мог поступать и жестоко, мог и убить...

Это большая тема. Когда Николай I приговорил пятерых декабристов к повешению, английский посол в Петербурге написал: если бы подобные события произошли в Лондоне или Париже, то с гильотины слетели бы сотни голов. А русский царь казнил только пятерых. Власть была вместе с народом и народ – вместе с властью. Император трактовал себя как «отца народа», а народ царя – как царя-батюшку, который порой может наказать нерадивого, но не может убить... Русская власть была патриотичной, она работала на Россию, а не на себя. Романовы взяли страну в смуту, а 300-летие отмечали в шестой части суши! И Николай II, заключённый в Дом Ипатьева, не мог бежать из страны именно поэтому: если Россия погибает, он первый погибает. А какие-то расхождения с конкретными решениями, с конкретными постановлениями, с конкретными указами, конечно, бывали. Но в целом Русская православная церковь содействовала становлению российской государственности и самого русского народа. Православие было спланированной идеей. Ведь изначально, 1000 лет назад, никаких

¹Интервью было взято 16 июля.

Когда кайзер Вильгельм пошёл на Россию, ни одного русского человека в армии Вильгельма не было. Но были предатели – Ленин и Парвус, которые договорились о получении немецких денег с целью разрушения российской государственности

русских не было, было четырнадцать разных племён: древляне, северяне, вятичи, кривичи и т. д. А церковь настолько сплотила народ, что люди сегодня не помнят, что были поляне или северяне. Никто этого не вспоминает: мы просто русские.

Если вернуться к вопросу исправления искажений исторической памяти, то мне интересна Ваша работа в фонде «Возвращение», занимающемся восстановлением исторических названий. Есть ощущение, что эта деятельность застопорилась. Особенно в провинциальных городах: они все полны улиц, названных в советское время именами убийц... Скажите, фонд до сих пор существует?

Фонд «Возвращение» всегда был при министре культуры Мединском; правда, совсем недавно он заявил о выходе из Фонда. Формально этот фонд существует, хотя особой его активности я, к сожалению, не вижу. Создан он был, на мой взгляд, для того, чтобы быть противником и оппонентом КПРФ, которая иногда «зарывается». Перед Фондом не ставилась цель работать на преемство, на продолжение исторической России. Речь шла лишь о том, чтобы оппонировать капээрэфовцам, если они сильно задирают нос.

Такая же политика «сдержек и противовесов» проводится и по отношению к церкви. Православие – почти официальная религия, но если влиятельные деятели РПЦ занимают «не совсем ту» позицию, то, как мне об этом рассказывали знающие ситуацию люди, всегда находятся чиновники в администрации президента, которые организуют соответствующую публичную критику. Сейчас, на мой взгляд, эту функцию, скорее всего неосознанно, выполняет Невзоров, который несёт на радио «Эхо Москвы» просто чудовищные вещи. Его главная задача – это «поповедение», развенчание церкви.

И последний вопрос: во время дискуссии Вы апеллировали к воспоминаниям Керенского. На мой

взгляд, он один из главных виновников той ситуации, которая сложилась к октябрю. В частности, предав договорённость с Корниловым, он потерял доверие армии, и она не защитила его правительство во время октябрьских событий. Но когда человек в какой-то ситуации виноват и потом её описывает, в его сознании и в изложении событий невольно возникают те или иные aberrации. Не кажется ли Вам, что каким-то источникам можно доверять, а каким-то нельзя?

Источников и много, и мало. Поскольку Керенский находился у власти всего восемь месяцев, а премьер-министром был ещё меньше³, то его собственную позицию особо нигде и не увидишь. Его книга воспоминаний «Потерянная Россия» была издана у нас всего три года назад⁴; я её читал и конспектировал. Я думаю, что важно прочитать самого Александра Фёдоровича и понять его взгляды. Винить его во всём, я считаю, неверно.

Когда в 1812 году французы потащились на Москву, ни одного русского человека в армии Наполеона не было. Когда кайзер Вильгельм пошел на Россию, ни одного русского человека в армии Вильгельма не было. Но были предатели – Ленин и Парвус, которые договорились о получении немецких денег с целью разрушения российской государственности. Главный виновник произошедшего в октябре – секта большевиков. Германия огромные ресурсы бросила на поддержку ленинцев. Если бы этого не было – это ясно пишет Керенский – никакой большевизм в стране не мог бы утвердиться. Захватив власть на немецкие деньги, большевики удерживали её с помощью невиданного в истории террора. За весь XIX век в России по политическим мотивам был казнён 41 человек, а за первые 35 лет «строительства светлого будущего» мы не досчитались 65 миллионов жизней! Большевицкий СССР соотносится с исторической Россией как убийца с убитым! **КФ**

² По словам историка Б. Колоницкого, автора исследования, посвящённого Керенскому, «в 1918 году бывший глава Временного правительства издал брошюру “Дело Корнилова”, а позднее опубликовал несколько вариантов автобиографии, в которых создавал и вновь переписывал свою версию истории революции. Постоянным в этих текстах, написанных в разные эпохи, оставалось одно: Керенский желал прославить Февральскую революцию и увековечить свою роль в ней; однако аргументация автора менялась, со временем он корректировал и модернизировал свое повествование. По сравнению с тем лидером, каким он был в 1917 году, Керенский представлял себя более современным, более западным, более рассудительным, дальновидным и уверенным. И, добавим, менее интересным». Колоницкий приводит и краткий перечень

соответствующих работ А.Ф. Керенского: «Дело Корнилова» (М., 1918; др. изд.: 1987, 2007); «Гатчина» (М., 1922; др. изд.: 1990); «Издалека: Сб. ст. (1920–1921)» (Париж, 1922; др. изд.: 2007); «The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution» (New York; London, 1927); «La revolution russe, 1917» (Paris, 1928; рус. пер.: 2005); «The Crucifixion of Liberty» (London; New York, 1934; др. изд.: 1965); «Russia and History's Turning Point» (New York, 1965; нем. и фр. пер.: 1966; рус. пер.: «Россия на историческом перепутье» (журнал «Вопросы истории», 1990–1991; отд. рус. изд.: М., 1993, 1996, 2006)).

³ Керенский стал премьер-министром 7 июля 1917 года, после второго (июльского) кризиса Временного правительства.

⁴ Керенский А. Потерянная Россия. М. : ПРОЗАИК, 2014. 511 с.

Сентябрь 1917: свидетельства очевидцев

Крепостной (до 1918 г. Абоский) мост в Выборге. На этом мирном месте в сентябре 1917 года было совершено зверское убийство офицеров. «Избив, их бросали в воду и потом добивали уже в воде... Часть офицеров разбежалась. Убийства продолжались до ночи» (из сообщения эсеровской газеты «Дело народа»)

Михаил Богословский, профессор Московского университета и Московской духовной академии

31 августа (даты везде по старому стилю. – *Ред.*). Звонок по телефону и кто же? – епископ Сергей Сухумский, с которым я не видался года четыре. После завтрака я отправился к нему на Тверскую в дом Гулаевых, и мы просидели часа два, оживлённо беседуя о текущих событиях. Он мне рассказал, что Корнилов обратился за поддержкой к церковному собору, но собор колеблется и хочет благословить обе враждующие стороны. Так всегда было у наших иерархов в критические минуты.

3 сентября. За заседанием, в котором академические профессора с необыкновенной горячностью барахтались в академических мелочах, можно было забыть – как будто в России за академическими стенами

ничего не происходит. А между тем, как вспомнишь, что делается – мороз подирает по коже. В Выборге солдатами убито 15 офицеров и в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки. – *Ред.*) – четверо.

10 сентября. В газетах всё более и более выясняется, что выступление Корнилова было им предпринято не произвольно, а по вызову самого же Временного правительства или, по крайней мере, его части, в чём меня окончательно убедили напечатанные сегодня в «Русском слове» объяснения Савинкова, бывшего военного министра. Странную в таком случае роль сыграл Керенский.

21 сентября. Демократическое совещание кончилось полным крахом и банкротством, проявив только разногласие, готовое перейти в грызню. Железнодорожники по поводу прибавок, которые будут стоить казне около 3 миллиардов в год, вступили в столкновение с правительством и грозят забастовкой. Верю, что всё-таки этого бедствия не будет. Это что-то уже похоже на начало конца.

Никита Окунев, московский обыватель

31 августа. В приказе нового Верховного сказано, что уже совершилась «бескровная ликвидация мятежа». Дай Бог, чтобы это была правда, но почему же газетам запрещено печатать воззвание Корнилова и почему газетные пробелы прогрессируют? Сегодня в «Утре России» и в «Русском слове» громаднейшие прогалы. Жилкин правильно написал сегодня, что «6 месяцев непрерывно спорили мы об единении. Вопили, стыдили друг друга, усовещали, а в действительности трагическими и

ускоренными шагами шло всеобщее разъединение».

Иван Бунин, писатель

31 августа. «Новое время» и «Утро России». Ошалел от волнения. Воззвание Корнилова удивительно!

4 сентября. «Русское слово» от 31-го и 1-го. В совете рабочих депутатов Каменев и Стеклов говорят, что «снесут голову с Корнилова».

В десятом часу вечера – газеты. Государственный переворот! Объявлена республика. Мы ошеломлены. – Корнилов арестован.

Воля Гоца, Дана, Либера и т. д. восторжествовала – Россия в их руках!

15 сентября. Газеты. На совете выросла, видимо, дикая злоба у всех. Разъяснение Савинкова. Да, «совершена великая провокация». Керенского следовало бы повесить. Бессильная злоба.

30 сентября. Поразила декларация правительства, начало: анархия разлилась от Корнилова! О негодяи!

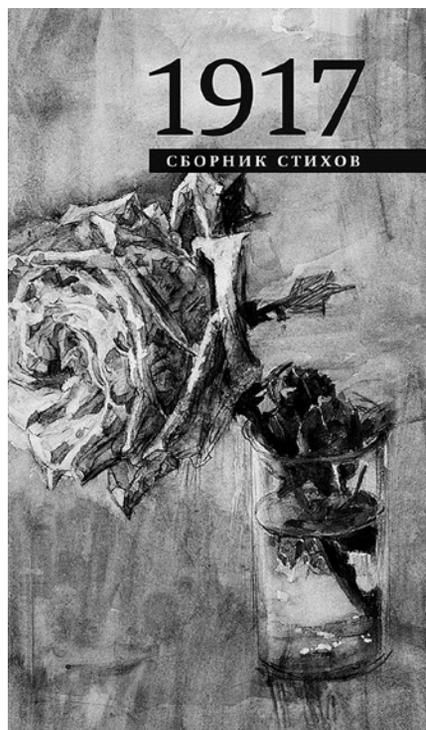
Владимир Голицын, губернатор (1887–1891), городской голова (1897–1905), один из 12 почётных граждан города Москвы (с 1905 года)

8 августа. На днях в Москве открывается Всероссийский собор. Надо надеяться, что он радикально преобразует наш церковный строй, и прежде всего уравниет все вероисповедания. Нетерпимость к ним – это одна из мрачных страниц нашей церковной истории, как, например, гонение на старообрядчество, которое во многом выше нашего казённого православия. Хотелось бы думать, что собор искоренит фарисейство, внешнюю набожность, обрядность, и

Русская поэзия и Русская Катастрофа

К столетию октябрьского переворота Культурно-просветительский фонд «Преображение» и Свято-Покровское малое православное братство выпустили сборник стихов

Сборник разделён на две части, содержание которых образно передано в стихотворных подзаголовках. Первый образ – белая пелена снега, накрывшего тогда страну смертным саваном, взят из стихотворения 1918 года, которое стало чем-то вроде гимна русской эмиграции:

*Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седую пургой
И холодныя ветры степныя
Панихиды поют над тобой.*
(Филарет Чернов)

Второй – «краснозвонный глагол», заглушивший, зачеркнувший всё до него бывшее, опирается на голоса тех, кто увидел в событиях 1917 года зарю новой жизни:

*Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов грядя!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.*
(Владимир Маяковский)

Конечно, такое деление с использованием этих образов во многом

условно. Поэтому в сборнике немало парадоксов. Тонкие, с мистической подоплёкой, стихи Андрея Белого, который отнюдь не был поклонником большевизма, увы, пришлось поместить в основном во вторую часть. Раздваивались, и потому оказались в обеих частях, певец Прекрасной Дамы Александр Блок, «почвенник» Николай Клюев и другие известные поэты. А один из «отцов» символизма, изысканный эстет Валерий Брюсов, не только воспел новый строй, но даже вступил в 1919 году в РКП (б). Однако уже на следующий год он поднялся в своем видении России до мрачного трагизма. Схожую эволюцию прошли и связанные с переворотом и его последствиями стихи Сергея Есенина, вначале тоже прославившего революционные перемены...

И уже без всяких парадоксов: насколько возможно широко представлена в первой части сборника поэзия В. Ходасевича, М. Цветаевой, М. Волошина, О. Мандельштама, К. Бальмонта, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, А. Ахматовой. Они никогда не колебались в своих оценках революционного кошмара и быстро распознали направление движения «красного колеса».

Первая и вторая части не равны ни по количеству авторов, ни по объёму приводимых стихов. Причина проста: совсем не многие выдающиеся поэты принесли своё творчество на алтарь победителей. Кроме того, очевиден факт падения поэтического уровня большей части новой поэзии, её идеологичность, а иногда и просто ложь, – всё это не вызывает желания тиражировать такие стихи.

В предисловии к сборнику поэт Виталий Шенталинский, председатель Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей России, напоминает:

Поэзия – в лучших своих проявлениях – выступила в защиту человека, пыталась оградить его душу от насилия. Ведь слово – не только искусство, способ явить своё лицо, реализовать свой дар, это ещё и попытка спасти человека. Человека, который живёт не в одном лишь своём узком, личном времени, в той чёрточке между датами рождения и смерти на надгробной плите, щели, в которую утекает жизнь, а в большом историческом времени, вместе с предками и потомками. И нет у человека лучшего инструмента для постижения его, чем слово, связующее дух с плотью.

«Социальная архитектура измеряется масштабами человека», – писал Мандельштам. Вот этой-то меркой – масштабами человека – и поверяли поэты Серебряного века советское государство, и, поскольку оно не выдерживало такой проверки, то неминуемо должно было всей своей тяжестью раздавить тех, кто осмелился заявить, что король – голый...

Мартиролог репрессированных писателей всё время растёт – так в чёрной бездонности неба проблескивают всё новые звезды, открываются целые миры. На сегодня можно лишь сказать, что за годы советской власти репрессиям подверглись более трёх тысяч литераторов, примерно полторы тысячи из них были расстреляны, погибли в тюрьмах и лагерях, так и не дождавшись свободы.

***

Составители сборника хотели бы, чтобы каждый из тех, кто возьмёт его в руки, вспомнил о трагической судьбе почти всех его авторов, вновь задумался и о судьбе России. И тогда, может быть, не только со скорбью, но и с надеждой, которая, по слову апостола Павла, «для души есть словно якорь, безопасный и твёрдый» (Евр 6:19), он прочтёт прилагаемую в конце книги молитву. **КФ**

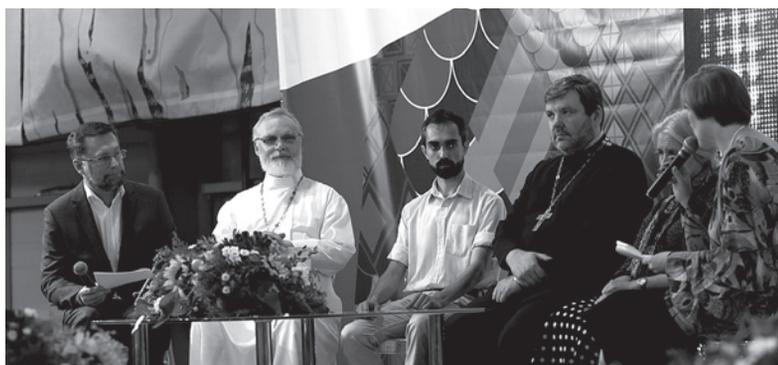
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Т Е М А

ОКТЯБРЬ 1917

У юнкеров, защитников Зимнего дворца, весь день накапливалось ощущение обречённости, покинутости; им и не добавили патронов, и не кормили. Долго юнкера не знали, что во дворце и министры; узнав, захотели с ними встречи-митинга: при таком соотношении сил к чему наши жертвы? Приходили три министра, подбодряли юнкеров: силы большевиков немногочисленны, большинство гарнизона пассивно. Пока не замкнулось кольцо окружения, в Зимний подходили подкрепления: к детям-юнкерам – старики уральские казаки (молодые не пошли), инвалиды георгиевские кавалеры и рота из женского батальона смерти. Министры в бездействии и томлении: ведёт ли Керенский войска или просто предал, бросил? Уже нет надежды, что подкрепления придут еще сегодня...

Александр Солженицын. «Красное Колесо»

Так сложилось, что Поместный собор собрался в момент коренного исторического перелома, когда судьба России менялась, происходила национальная катастрофа. Была ли у Церкви в лице Собора возможность изменить ход русской истории? Таким был один из вопросов открывшего пленарное заседание фестиваля «Преображенские встречи» круглого стола «Поместный собор в истории России: pro et contra»